

ИСТОРИЯ ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ НА КАМЧАТКЕ. СОВРЕМЕННЫЕ (АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ) ПРОГРАММЫ ОБУЧЕНИЯ. ПУТИ ПЕРЕДАЧИ ТРАДИЦИОННЫХ ЗНАНИЙ ДЕТЯМ

Новик Юлия Олеговна

Кандидат культурологических наук, доцент КГПУ

Традиции народов Камчатки: взгляд сквозь прошлое в настоящее

Становление общих и локальных традиций культур коренных народов Камчатки представляет собой долгий и растянувшийся на тысячелетия процесс, начало которому было положено 25—27 тыс. лет до н.э. Оно происходило в условиях наибольшего развития последнего оледенения и было связано с приходом на Камчатку из областей лежащих где-то к югу от Охотского моря первых поселенцев — древних охотников на мамонта и рыболовов. Заселение Камчатки людьми — событие примечательное само по себе — разворачивалось на фоне грандиозного по своим масштабам, учитывая продолжительность времени и количество вовлеченных в него людей, переселения монголоидов в Америку и хозяйственно — культурного освоения переселенцами обширной приледниковой зоны, протянувшейся от Северной Европы через всю Сибирь к Северной Америке.

Сходные природно-климатические условия, наблюдавшиеся в верхнем палеолите на значительной территории северо-востока Азии, предопределили универсальность выбора стратегий адаптации к ним сообществ людей. Главным был выбор хозяйственной стратегии, направленной на оптимальное использование и, вместе с тем, сохранение имеющегося биоресурсного потенциала. Другим немаловажным аспектом деятельности первобытных сообществ была бытовая адаптация, ориентированная прежде всего на создание искусственной среды обитания, «второй природы». Дополняя друг друга, две стороны практической деятельности проявлялись как две диаметрально противоположные неосознаваемые целевые установки на пассивное и активно-творческое взаимодействие человека с природным, социальным и культурным окружением.

Освоение новых территорий человеческими популяциями заключалось в их утилитарном и одновременно символическом «присвоении», ограничении непосредственной зоны обитания и, наконец, в маркировке территориальных границ.

Для работы (коллективной охоты) и праздников существовали свои, по особому маркируемые в соответствии со складывавшейся генети-

ко-родовой иерархией ценностей зоны, свое время. Маркирующие признаки имела территория кормления, территория проживания рода (поселение) и «центральная» зона — территория семейного владения — собственно жилище.

Останки круглых в плане жилищ, принадлежащих предположительно верхнепалеолитической эскимосо-алеутской культуре, были исследованы археологами на берегу незамерзающего Ушковского озера в долине реки Камчатка. В отложениях были вскрыты неглубокие полуземлянки с коридорным входом, а также неглубокие жилища в виде шалашей. Внутри некоторых жилищ сохранились кольцевые очаги из крупных камней.

Археологические описания Ушковской и других верхнепалеолитических стоянок содержат указания на архитектурную форму и конструктивные особенности жилищ, среди которых выделяются овальный и круглый план, заглубление пола в землю, присыпка и выкладка из костей крупных животных по периметру сооружения, туннель-вход, коллективный характер постройки (жилье, как хозяйственный комплекс) (Окладникова, 1995, с.79) Рассмотренные в семантическом плане, они могут быть интерпретированы как элементы объемно — пространственной композиции, воссоздающей модель Вселенной, глобально описывающей окружающий мир. Вместе с тем, визуально-пластические формы не были простой иллюстрацией образов мира, но особым языком для движения мысли, решения насущных задач.

Круглой форме палеолитического жилища соответствовала круговая форма модели Вселенной, символизируя собой общие принципы мироустройства и жизни вообще, цикличность явлений природы, бесконечность космического движения, оппозиционность мира, дихотомию — «свое» (внутреннее, расположенное в центре), F «чужое», (находящееся за чертой круга, движущееся от центра).

Таким образом, палеолитическая модель мира изначально наглядно воспроизводилась, преимущественно в образах рукотворного, одновременно сакрального и мирского дома и ритуальных сооружениях (например, погребениях).

В эпоху позднего мезолита и раннего неолита (6—4 тыс. до н. э.), что характерно для цепи первобытных культур, располагавшихся на территории обширной культурной провинции, в состав которой входили Северо-Восток Сибири, Прибайкалье, Приамурье и Северная Монголия, объемно-пространственные модели Вселенной сочетаются с плоскостными (петроглифы) и объемными (керамика, плетение, скульптура).

Мифо-космогонические представления, составляя содержание символика — идеациональной адаптации, рождались не случайно. В них причудливо преломлялась жизнь рода, преимущественно складывавшаяся из бесконечной цепи рождений и смертей, иных узловых моментов биологической жизнедеятельности.

Моменты социальной адаптации популяций людей в меньшей степени восстанавливаемы при обнаружении и исследовании артефактов археологических культур, но мы имеем о том, как правило, косвенные

свидетельства; круг жилища символизировал равноправие, поскольку на окружности нет мест важных и периферийных, нет иерархии.

«Начавшись в эпоху палеолита с решения задачи родовой этнокультурной маркировки жилищ и поселений, архитектурный семиозис по ходу истории стал отражать племенные, конфессиональные, политико-идеологические и иные параметры архитектурных сооружений, а точнее — соответствующие характеристики, возводивших их сообществ, социальных групп и индивидуальных заказчиков. Именно из этой сигнальной функции и родилось понятие «красота» применительно к архитектуре» (Флиер, 1992, с. 100)

Обладая способностью образного, метафорического отражения действительности, палеолитический человек имел возможность моделировать действительность не только с помощью символического использования объема, но также — линии, цвета. Об этом свидетельствуют, часто располагаемые рядом с древними кострищами, погребения. Могильная яма стоянки Ушки VII была засыпана ярко-красной охрой — непременно для палеолитических погребений магическим «восстановителем» жизненной силы, необходимой для жизни в ином, мифологическом, загробном мире.

Существенной стороной бытовой адаптации выступала практика изготовления одежды, в которой, судя по разнообразным каменным орудиям труда, рано наметилась специализация.

Климатические перемены и полная экологическая мутация, наступившая около 10 тыс. лет назад и выразившаяся в резком потеплении климата, исчезновении крупных наземных млекопитающих, увеличении численности морских млекопитающих, вызвали кризис охотничьего хозяйства и еще раз продемонстрировали уязвимость и зависимость первобытных культур от Природы.

В этих условиях обрыв формирующихся локальных культурных традиций был вполне возможен, если не неизбежен; создавалась угроза даже для генетической и биологической эволюции популяций. В рамках обозначенного географического региона, куда входила и Камчатка, активизировались миграционные процессы. Вслед за предками индейцев, принадлежащих к языковой семье на-дене, сквозь Камчатку на север прошли предки эскалеутов. Лишь незначительная часть палеолитических племен осталась здесь в период мезолита и встретилась с предками палеоазиатов (коряков, чукчей) и ительменов. Ранние памятники древней ительменской культуры на юге Камчатки датируются временем 5200 лет до н. э. и имеют местные генетические истоки.

Перемены в экосистеме, как отмечалось выше, внесли изменения в характер протекания и направленность адаптивных реакций. По мнению Р. С. Васильевского, применительно к этому этапу истории культурной провинции можно «воссоздать несколько культурных моделей, связанных с различными видами адаптации»:

- континентальную (с ведением охоты во внутренних районах Чукотки и рыбной ловлей);
- видоизмененную континентальную (с преобладанием сухопутной охоты и сезонным, эпизодическим промыслом на побережье);

- континентально-приморскую, характеризующуюся специализацией и доминированием над сухопутной охотой морского промысла;

- видоизмененную приморскую, в экономическом плане ориентированную на эксплуатацию прибрежных ресурсов, но не исключающую в качестве дополнительных источников, сухопутной охоты. К этому виду относится древнекорякские культуры Охотского побережья (Васильевский, 1975, с. 138)

Необходимость более дифференцированной адаптации к ландшафту вызвала у групп людей, скрепленных кровнородственными отношениями, появление новых специфических коллективных интересов и целей, стремление противопоставить свое единство социальному окружению. Происходит деление на «мы — они», внешне оформляющееся идеологизированным и символическим языком.

В ходе социальной практики нескольких поколений складывающихся этносов накапливался опыт исторического и социального существования в новых условиях, который аккумулировался в базовых социально стратифицированных ориентациях и системе образов жизни, картин мира.

Условиями возникновения этноса выступали: общность территории, языка, характерные элементы материальной и духовной культуры, социально-психологические особенности, этническое «мы» — сознание, реальным проявлением которого было употребление общего самоназвания (этнонима). По мере формирования этнокультурных систем эти параметры становились основными признаками этносов.

Сформировавшийся этнос существовал как биосоциокультурный организм, самовоспроизводящийся путем эндогамии (однородных браков) и передачи новому поколению языка, территории, специфических черт, как — то: образов жизни, картин мира, стихийно выделившихся в качестве образов идентичности или этнических маркеров.

«Комплекс черт идентичности всякого сообщества — это по существу и есть его локальная культура в узком смысле слова, а процесс непрерывного воспроизводства этих черт можно определить как культурную традицию» (Флиер, 1995, с. 22).

В позднем мезолите — раннем неолите древние этносы были не четко отгорожены друг от друга, поскольку существовало фундаментальное генетико-родовое единство основ культур и потому самосознание, отражающее групповое единство, выступало не столько как специфически этническое, сколько как объединенное осознанием социальных, кровнородственных, ранних религиозных характеристик той или иной группы людей.

Древняя основа корякской и чукотской культур была общей с неолитическими культурами Чукотки, сложилась на основе внутриконтинентальных традиций при сильном влиянии на нее традиций Приамурья и Приморья. Преемственность культурного опыта для чукотско-корякской общности от времен неолита доказывает тот факт, что еще сравнительно недавно коряки два раза в год во время сезонных миграций дикого северного оленя вели массовую добычу зверя на воде («попалку на плавях»), как это делали их далекие предки.

Сцены сезонной охоты наполнили специфическим содержанием пластический и хореографический фольклор оленных коряков. «О тесных, устойчивых связях коряков с Севером свидетельствует характерный для палеоазиатов вороний эпос. В нем фигурирует только арктическая природа, ее флора и фауна. Мифы, сказки, предания отражают занятия и быт, характерные именно для такой территории» (История и культура коряков, 1993, с. 15)

Культура охотников и рыболовов, обитавших в 2—1 тыс. до н. э. в чукотской тундре, принадлежала предкам нескольких этносов Северо-Восточной Азии — не только предкам коряков, но — чукчей, эскимосов, юкагиров, о чем свидетельствуют дошедшие до наших дней самые северные в Азии петроглифы, обнаруженные в долине реки Пегтымель. Рисунки, выбитые неглубоко на сланцевых скалах в несколько слоев при помощи кусков белого кварца, в зависимости от применяемых графических средств, можно подразделить на три основные группы — ранние силуэтные, контурные и поздние линейные (графити), что свидетельствует в пользу гипотезы о длительном использовании скал для рисования.

Охотничье бытие диктовало ограниченность в выборе сюжета и его трактовке. Главными темами были сцены осенней охоты на плывущего дикого оленя и весенней — на лыжах по насту в сопровождении собак. Многократно встречаются в петрографах живописные сцены морской охоты.

Также характерной для неолитической графики была тема человека. Антропоморфные изображения, встречающиеся повсеместно на скалах, еще не индивидуальны, черты лица не обозначены. Все персонажи однотипны, лишь иногда подчеркиваются половые признаки людей.

Созданные рукой человека, наскальные изображения наделялись магическим и ритуальным смыслом. Одиночные, близкие к натуралистическим фигурки оленей выбивались в связи с магией оживления, согласно которой изображение зверя считалось вместилищем его души и, якобы должно было способствовать умножению и восстановлению оленьего стада. Изображения одиночно стоящего оленя, охотника, сидящего в лодке и поражающего копьём или гарпуном плывущего оленя, повторяются практически в неизменном виде, создавая своего рода изобразительные каноны.

Данные изобразительные каноны (по подсчетам археолога Н. Н. Дикова их — пять), по всей видимости, сформировались именно тогда, когда культура северян была гомогенна, то есть до сложения этнокультур.

От канона к канону наблюдается тенденция снижения «натурализма» при некотором огрубении техники. Пятый изобразительный канон представляет собой весьма условную композицию из двухлопастного весла и оленя. Он связан с появлением и распространением охотничье — промысловой магии.

Схематическая манера изображения животных, тенденция к условности, геометризации, преобладанию знаков — символов показательна

для неолитического этапа развития традиционной художественной культуры, однако следует оговориться, что сравнительный анализ петроглифов, проведенный Е. А. Окладниковой, позволил ей сделать вывод, что указанные стилистические и сюжетные особенности графики были распространены в Азии еще в эпоху миграций палеоиндейцев, откуда и проникли на Американский континент (Окладникова, 1995, с. 58)

С культом родовых, фратриальных и племенных предков — тотемов были связаны в древности праздники многих народов с общинно-родовым строем. Археологи и этнографы интерпретируют в качестве тотемных некоторые изображения животных, на которых люди не охотились, но пронесли сквозь века трепетное чувство преклонения перед ними, это: силуэты волка, касатки, ворона.

У чукчей, коряков, эскимосов были распространены поверья, что касатка и волк — это один и тот же человек — оборотень, который помогает людям во время охоты, а именно: в обличье касатки подгоняет летом китов к берегу, и, превращаясь в волка, зимой уничтожает слабых и больных оленей. Сама идея перевоплощения (реинкарнации), по сути дела, является отголоском тотемизма. Обособление промыслового культа, начавшееся вместе с разложением родовых отношений, практически уничтожило следы ранних тотемистических верований в культуре коряков и чукчей.

«В промысловых обрядах и праздниках гораздо меньше точек соприкосновения с тотемизмом, — полагает С. А. Токарев, — Из характерных черт его сохранилось лишь представление об умирающем и воскресающем животном — отголосок тотемистических обрядов умножения» (Токарев. 1990. с. 235)

Петроглифы, как памятник истории культуры, примечательны в том отношении, что они зафиксировали присутствие в жизни людей целого религиозного комплекса (родовых, промысловых культов), позволили найти современным ученым точку отсчета, а точнее, момент зарождения шаманизма, занявшего в фольклорный период истории в сфере духовной культуры аборигенов едва ли не монопольное положение.

«Шаманизм представляет собой особую форму религии, для которой свойственно выделение в обществе определенных лиц, которым приписывается способность путем искусственного приведения себя в экстатическое состояние вступать в непосредственное общение с духами — сверхъестественным миром» (Токарев, 1990, с. 266) Исступленная пляска с лением под аккомпанемент бубна и звон металлических, костяных и иных подвесок составляла ритуал шаманского камлания.

По всей видимости, два способа общения шамана с духами запечатлены в петроглифах — когда духи вселяются в тело шамана или когда душа шамана отправляется путешествовать в царство духов. В первом случае, как представляется автору, высекались весьма условные фигурки пляшущих человечков с бубном или трещоткой в руках, во втором — (этих рисунков намного больше) — идея путешествия по другим мирам передавалась с помощью фантастических образов «антропоморфных мухоморов», уносящих душу к верхним людям.

Ритуальное микофильство получило широкое распространение у палеоазиатов и их предков, возможно, именно в связи с укреплением анимистических верований и шаманской практики.

В ходе исторического развития изначально, как доказывают артефакты культуры, происходило становление не отдельных этносов, а единой корякско-чукотской общности. Настоящее обособление традиционных культур, локализованных на территории Сибирской культурной провинции, было связано с переходом к оседлости и распространением морского зверобойного промысла.

Сопоставление различных видов адаптации современными этнографами показало, что наибольшая степень устойчивости обнаруживается у традиционных культур, связанных с прибрежной системой хозяйства (Васильевский, 1975, с. 198)

Начиная с эпохи позднего неолита, при помощи механизма культурной традиции поддерживался и поддерживается сейчас подвижный и, трансформирующийся в зависимости от меняющихся условий бытия, комплекс этнических маркеров культуры. Становление специфических черт этносов, в частности, древнекорякского, сопровождалось дроблением исходной, одной или нескольких групп, на более мелкие подразделения (субэтносы) с характерным распадом общекорякского языка на диалекты, закреплением современного физического типа коряков.

В свете вышеизложенного представляется правильной, если не доводить ее до крайности, позиция, занимаемая в отношении историко-культурной эволюции американским этнографом Ф. Боасом, что все специфические (локальные) культурные формы могут рассматриваться как результат исторического развития. Исследуя специфические формы традиционных культур народов мира, он находил в них примеры ранней культурной дифференциации и акцентировал внимание на имевших место процессах взаимовлияния и взаимопроникновения культур. «Изучение материальной культуры, — отмечал он в одной из своих работ, — обрядов, искусства и мифологии Америки, различных форм африканской культуры и доисторической Евразии с такой убедительностью показали роль диффузии, что мы не вправе отрицать ее присутствия в формировании любого локального культурного типа» (Антология исследований культуры, 1997, с. 344)

Как показывают археологические материалы, древние культуры коряков, чукчей, ительменов не были изолированы от культур, переживающих становление соседних этносов. У народов Тихоокеанского севера и побережья Охотского моря по причине длительных периодов прямых контактов сложились общие черты в представлениях о морских просторах и его обитателях, праздновались общие праздники (спуска байдары и укладки ее на зиму), были распространены общие ритуалы «кормления» охранителей для обеспечения удачи в морской охоте, были найдены универсальные формы жертвенных сосудов, воспроизводящие формы рыб и морских животных, для ритуального «кормления». Эти параллели и совпадения больше всего имели место в культурах нивхов, коряков, эскимосов, айнов.

Значительная часть комплекса черт идентичности исторически сформировавшихся древних сообществ была специфична для всех них, но конкретная композиция черт, а в особенности, их символическое оформление, были уникальны для каждой отдельной этнокультуры. Об этом красноречиво говорят останки жилищ, представляющие тарьинскую культуру.

У предков ительменов сохранился общий для палеолита тип жилища — полуземлянки с характерными конструктивными особенностями (заглублением пола в землю, дымовым отверстием над очагом, опорными столбами, поддерживающими крышу и т. д.), выполнявшими роль родовых культурных маркеров. По внешнему виду эти жилища напоминали исходный исторический культурный тип, но были четырехугольными (с закругленными углами) в плане. Здесь символическая фигура круга постепенно трансформировалась в прямоугольник, став не родовым, а этническим маркером культуры, наполнившись новой семантикой.

С возникновением практики сооружения прямоугольных в плане построек оформилась новая практика семантического истолкования круга, прямоугольника, квадрата. Геометрические фигуры стали метафорами разных уровней мироздания, а также олицетворявших их мужского и женского начал (Окладникова, 1995, с. 77).

Основными занятиями населения были сухопутная охота, рыболовство, собирательство. Археологи обнаружили в отложениях культурных слоев останки керамики, что свидетельствует об оседлом образе жизни древних ительменов. Широкое распространение в тарьинской культуре получили небольшие пластинки обсидиана, обработанные отжимной ретушью в виде стилизованных или примитивно «реалистических» фигурок человека и животного.

Основной ячейкой древнеительменского общества по всей видимости еще оставалась родовая община. Выступая в форме родовых праздников (медвежьих, почитания морских зверей, «очищения» в ноябре) промысловый культ имел много общего с тотемизмом, однако сохранились лишь косвенные археологические и этнографические данные об этом.

Предположительно на рубеже нашей эры в древнейшем ительменском обществе начались процессы разложения родового строя, связанные, как у многих северных народов, с развитием морского промысла и обмена с соседними приморскими культурами Чукотки и Курильских островов. Однако, обращает на себя внимание тот факт, что присваивающее комплексное хозяйство эволюционировало крайне медленно, так как не знало специализации и ориентировалось на полное использование всех имеющихся в природе источников пищи (Пономаренко, 1985, с. 197)

На эту особенность действия хозяйственно-адаптационного механизма обратил внимание И. И. Крупник и дал этому явлению соответствующие разъяснения: климатические колебания с высокой амплитудой в Арктике способствовали выработке особой стратегии природопользования, «которая заключалась в параллельном развитии двух (или нескольких) моделей жизнеобеспечения с противофазной реакцией на изменение условий существования. Любые экологические сдвиги могли оказаться неблагоприятными для одной из этих моделей, резко повышая продуктивность других». (Крупник, 1990, с. 186) Эта несознаваемая линия

хозяйственного поведения и передавалась при помощи механизма культурной традиции из поколения в поколение от неолита до наших дней. Охота, оленеводство, собирательство, морской промысел могли стать в любой момент резервными или основными занятиями при сохранении всего комплекса форм жизнеобеспечения в зависимости от складывающейся природно-климатической или социальной обстановки.

Подводя итог диахроническому рассмотрению первобытного этапа становления и бытования традиционных культур коренных этносов Камчатки, можно сделать некоторые общие выводы:

- процесс становления культурных традиций коренных народов Камчатки был задан универсальными, общими для всех регионов мира закономерностями этно-социо-культурогенеза (с этим связано известное генетическое, историко-этнографическое, антропологическое единство аборигенного населения Камчатки);

- в широкой культурной перспективе традиционные культуры народов Камчатки (ительменов, коряков, чукчей) могут рассматриваться как типичные культуры евразийско-американского Севера, локальные по отношению к обширной Сибирской культурной провинции;

- локальная специфика традиционных культур задавалась содержанием и характером протекания адаптационных процессов, отражая общую закономерность зависимости культуры, как подсистемы бытия, на ранних ступенях человеческой эволюции от другой подсистемы — Природы;

- становление культурных традиций региона в качестве действующего механизма трансляции социокультурного опыта популяций относится к эпохе верхнего палеолита, но преемственность традиций, как устойчивая тенденция культурного развития, просматривается на материале региональных археологических культур лишь с эпохи позднего неолита.